

Аркадий Маргулис, Виталий Каплан Миссия

Отторжение

Реквием

Дождь. Дождь. Дождь.

За окнами вспухает напасть. Может быть, небесные хляби разверзлись настужь и навсегда.

— Что же т а м произошло? — спрашивает профессор Дайон.

Обоим не по себе. Мокрые следы на паркете — следы Николаса, от дверей к столу. Вода, доминанта внешнего мира, стекает с его одежды и похотливой лужей расползается по полу.

— Не знаю. В Браззавиле тоже льёт, — отвечает он, — нескончаемый тропический ливень.

— Проклятая внезапность, — говорит профессор, — хотя многих, меня — тоже, мучили предчувствия... и вот, настоящий катаклизм.

— Потоп, всемирный потоп, — соглашается
Николас.

— Никто не знает, — говорит профессор, —
никто, всё в руках Божьих, но пока отовсюду
плохие известия.

И оба молчат. Пальцы профессора
выстукивают суетливую дробь.

— Что же с ним случилось? — спрашивает он.

— Нам не дали встретиться, — отвечает
Николас, — он на запретной территории, пришлось
вернуться ни с чем.

— И ничего нельзя было предпринять? —
спрашивает профессор, опасаясь, что в интонации
или во взгляде появится укоризна, — голубчик,
ведь посылая вас в Браззавиль, я надеялся, что вы
проявите максимум предприимчивости.

— Я пытался, — сокрушается Николас,
приложив руку к груди, — но всё впустую, правда,
добился встречи с проводником. Отвести меня туда,
на эту территорию, он отказался. Пройдоха, и
чего-то панически боялся — вот что было заметно.

Я ушёл ни с чем.

— Господи, — восклицает профессор Дайон, — на суд Твой и милость Твою прегрешения наши. Наверное, я был прав в своих опасениях...

Отсюда, с высоты предпоследнего этажа университетского кампуса видна прерывистая плотность дождя и полновесная неприступность туч. И они, старик и юноша, уравненные назревающим изменением, встают, подходят к окну и видят, как по улице, раздробленной чернеющими боками зданий, вскипает тугой поток, заливающий припаркованные автомобили. Как спасаются бегством люди. Как сквозь небеса прорастает жирный ствол молнии с пульсирующими ветвями. И слышат, как потом, спустя надменное ожидание, раздаётся оглушительный, разрывающий мозг и вены треск грома — реквием прошлому, симфония вечности.

Грант и грани

Бас лектора витал, вибрируя где-то под потолком.

— Господа, всё гениальное просто, но вовсе не легковесно! Желаете опровергнуть?

Лес рук в аудитории. Студенты обожали доктора Риколли, как вообще ученики любимого учителя. Или верующие — любящего пастыря.

Томас Риколли взял от природы сполна, но вряд ли в той же мере осознавал себя. Атлет с внешностью римского легионера — любому лестно, но не ему. На тридцать втором году жизни Томас, уже доктор наук, преподавал социологию в университете и ощущал себя константой на числовой оси. Что бы ни происходило — слева от него со знаком минус или справа со знаком плюс — он оставался находчивым в отношениях и вдохновенным в работе. Фундаментальная онтология даже в Оксфорде отпугивает студентов, как хлюст престарелых девственниц. Её выбирают фанатики, готовые ради науки, если не оскотиться, то принять обет безбрачия. Класс доктора Риколли к изумлению коллег быстро разросся и переместился в просторное помещение. Томас не вещал, как это практиковали его маститые сослуживцы. Он вопрошал, побуждая откликаться, добиваясь созвучия с учениками.

— Тогда вопрос, — продолжил доктор

Риколли, заговорщически подмигнув залу, — что есть онтология? Да, Николас.

Николас, вместилище энциклопедической памяти, взвился, как прилежный школяр, словно ему одному предназначался вопрос:

— Непредметная системность бытия — истинное условие возможности сущего.

— В самом деле? Ну и что сие означает, мистер умник? — подзадорил его доктор Риколли.

Николас слегка смешался, но неожиданно в аудиторию вошёл профессор Дайон. Постный старик, декан факультета социологии и антропологии. Студенты поскущнели. Все, кроме Николаса — он был надеждой и гордостью декана.

— Всего на минутку, — извинился профессор Дайон с сожалеющим жестом.

Томас, сокрушённо разведя руки, последовал за ним.

— Доктор Риколли, мои поздравления, грант утверждён.

Томас вернулся в аудиторию, и его взгляд остановился на Николасе.

Три года назад мир, а с ним и доктор Риколли, узнали о существовании «Врат». Томаса будоражили потуги специалистов изучить феномен. Врата являли собой непостижимый разлом между отвесных скал, весь зачехлённый туманом. Исследователи входили в мучнистую призрачность и выходили. Выходили не все. Те, кому повезло вернуться, рассказывали с неохотой — туман, отказы навигационных систем и путаный путь обратно. Вот и вся прибыль. Вскоре власти, чтобы избежать дальнейших потерь, объявили Врата с окрестностями запретной зоной. Врата себя никак не проявляли, и со временем интерес к ним иссяк. Но не у доктора Риколли — заручившись поддержкой профессора Дайона, он принялся хлопотать о гранте. В ожидании решения изучал язык суфилов — племени «Хранителей Врат», как они себя называли. Они же озвучили Легенду и вместе с нею представляли сильнейший научный интерес, возбуждая у доктора Риколли профессиональный зуд. Суфилов не поклонялись ни вездесущему Богу, ни языческим, одухотворяющим предметы, божкам, но не отрицали высшей, превосходящей логику, сущности. Ещё одно обстоятельство волновало Томаса. По

непроверенным сведениям естественные явления протекали здесь своеобразно, если не сказать вопреки законам природы.

И, наконец, долгожданный грант! Что посулила Учредительная Комиссия, и как власти Конго обзавелись позволением Вождя суфилов на проживание в племени белого человека, оставалось загадкой. Сборы и перелёт запечатлелись в памяти Томаса тускло. Но были, раз он оказался в джунглях с Нягуто и двумя носильщиками.

Граница и соприкосновение

Мистера Нягуто, проводника, отрядили сопровождать доктора Риколли от столичного аэропорта до границы с владениями суфилов. Там, у Граничного Камня, по заверениям Нягуто, его встретят люди племени. Но как и когда — неясно. Суфилы непредсказуемы — кроме Врат их мало что интересует. Томас мысленно отследил цепочку событий, позволивших ему оказаться в тропиках. Оксфорд, Конго, Браззавиль и проводник Нягуто. Ему подошло бы прозвище «жук». Хитрый, до умиления, жук. Перед путешествием Томас, вняв его намёкам, поощрил безделушкой — вторым подарком после вручённого в Браззавильском

аэропорту. Далее они долгих четыре дня пробирались по джунглям на крутолобом внедорожнике «Ранглер Рубикон». Конструкция автомобиля отвечала повышенным требованиям проходимости, и он упорно одолевал бездорожье. Молодые, гибкие, ещё не окрепшие ростки прогибались под напором мощного кенгурятника. Затем они поредели, взамен густо сдвинулись вековые стволы. Джип с водителем пришлось оставить и дальше двигаться пешком — под болтовню Ньягудо и безмолвные хлопоты носильщиков. Томас попытался вытащить из проводника интересные подробности, но тот увиливал от прямых ответов. Чем, например, отличался Граничный Камень от других придорожных? Этого Томас так и не успел уяснить. Проводник отбежал в сторону, поднял с земли увесистый булыжник, с виду любой попавшийся, приложил ко лбу и торжественно провозгласил:

— Белый Доктор! Дальше земля Хранителей Врат.

Носильщики проворно избавились от багажа, и вся троица, совершив кратчайший из обрядов прощания, ретировалась. Он проводил их взглядом и, едва потные спины исчезли за буйством зелени, вдохнул полной грудью. Здесь, у Граничного Камня

начиналась подлинная наука. Живая, далёкая от бесстрастных теорий. Пусть суфилы не верят в Божественную силу, но именно в первозданных местах Она пребывает в истинном откровении с людьми. Томас Риколли чувствовал восторг. Лишь привычный «Пингвин», вмещающий всё необходимое для длительного проживания, и дробовик «Бинелли М2», созвучный фамилии, связывали учёного с «цивилизованным» миром. В недрах «Пингвина» покоился умница ноутбук со спутниковой связью и запас батарей на полгода. Двухнедельные отчёты профессору Дайону — обязательное условие гранта. Настал час. Идиллия, зрелище — почти бестселлер: антрополог Томас Риколли в джунглях набирает на компьютере текст отчёта. Нехорошо разочаровывать старину Алехандро. Исследование наверняка назовут его именем, как-нибудь так: «Конструкция бытия Дайона», и какой-то умник, вроде Николаса, выдаст: «Бытие не есть не определяемое нечто, но структурная целостность, имеющая обособленное устройство в последовательности экзистенциалов». О том, что в этой последовательности полгода барахтался Томас Риколли без горячей еды, чистого белья и привычного общения, конечно же, никто не вспомнит. Но, как ни крути, надо отдать должное профессору Дайону. Без его участия Учредительный Совет, в лучшем случае,

осчастливил бы Риколли двумя неделями в индейской резервации, где антропологи сканируют лубочную жизнь племени. А воины, утратившие боевой дух, пользуются доходами от казино, или сбывают крэк.

В отчёте Томас писал о другом. О Граничном Камне. О проводнике Ньягудо и носильщиках, не задержавшихся ни секунды. Что это? Странности сродни рассказам гостей, побывавших в племени до запрета? Или он сам — в ущерб заезженной методологии — заранее настроился на проявления таинственности?

Закончив печатать, Томас встал, растёр затёкшие плечи. Осмотрелся. Вокруг, по-прежнему, никого. И, подхватив дробовик, позволил себе сбросить десяток лет и напыщенность учёного мужа. «Бинелли» удобно лёг в руку, придавая уверенность. Вскидка к плечу. Боевая стойка. Прицел. Оружие не заряжено, лишь волнующая прохлада металла. Томас сбросил рубашку. Поиграл мускулатурой и, почувствовав прилив тепла, изобразил боевой танец австралийских аборигенов. Затем крутнулся, оскалился и, подвывая, как бушмен на охоте, потрясая дробовиком над головой вместо копья, ринулся к ближайшему дереву. Но не добежал. Что-то острое

вонзилось в предплечье, заставив пальцы разжаться и выронить ружьё. Кто-то громадный, оскаленный и рычащий метнулся к нему из-за ствола. Томас успел заметить ассегай с широким наконечником, направленным в его лицо, а потом стало темно, и Риколли рухнул на землю.

Приговор и Легенда

Очнулся Томас от острой боли, с трудом приоткрыл глаза и увидел чернокожего старца, сидящего напротив. Суфил по-рачьи, в упор, смотрел на него, равнодушно двигая челюстью. Затем резко наклонился и плюнул сгустком чего-то омерзительно зелёного, туда, где сверлила руку боль. Томас отшатнулся, попытался встать, но суфил с неожиданной силой, неведь откуда взявшейся в его тщедушном теле, толкнул антрополога в грудь, возвратив в горизонтальное положение.

— Белый человек, почему ты напал на моего посланца? — спросил старик и, не дожидаясь ответа, добавил, — он воин, ему пришлось защищаться.

— Кто был, кто есть мой собеседник? —

вежливо осведомился Томас.

— Ххха, — выдохнул старец и на его морщинистом лице, отразилось удовлетворение, — твой вопрос уместный. Пока не остановится время, я есть, я был, я буду Вождь суфилов, Хранителей Врат. Ответь же мне, белый гость чёрного народа.

— Я не нападал, не думал нападать. Но я не знал, что за мной наблюдает твой посланец, — Томас запнулся, подбирая слова, — я изображал танец войны племени, далёкого отсюда. Я пришёл с миром... смотреть, как живёт великий народ суфилов.

— Меня просили поведать тебе о Легенде и показать Врата.

— Кто же мог об этом просить?

— Бездельник Ньягудо. Он долго крутился здесь и много говорил. Он не умеет молчать. Но я согласился. Когда рана зарастёт на треть, мы отведём белого гостя к Вратам.

Старый суфил, не дожидаясь ответа, встал и выбрался из хижины. Риколли огляделся. Просторно, нет окон и какой-либо утвари, кроме

лежанки под ним. Гладкие стены, украшенные орнаментом. Грязно-красной вязью. И незнакомый запах. Резкий, мешающий расслабиться и прийти в себя. Послышался шорох, полог из сшитых листьев откинулся, и в хижину вошла девушка. Лет шестнадцати, не больше, в набедренной повязке, облитая светом сумерек. Томас не назвал бы её красавицей — скорее, милой. Запах девичьего пота смешался с тем, прежним, и Томас, прикрыв глаза, соскользнул в беспамятство.

Когда он очнулся, владычествовала ночь. Чёрный креп неба подкрашивала луна, окружённая гирляндами звёзд. Девушка не спала, и Томас, украдкой наблюдая за ней, понял отчего. Родись юная африканка в других местах — быть ей исследователем. Несколько мгновений он терпеливо молчал, пока дикарка водила розовым язычком по его руке и закатывала глаза, изучая вкус кожи белого человека.

— Вкусно? — улыбнулся Томас, не совладав с ощущениями.

Девушка, отпрянув от него, бросилась к выходу. И остановилась, преодолевая испуг и, видно, придерживаясь наказа не покидать хижину.

— Ты поговоришь со мной, дочь Суфилов? — безмятежно спросил Томас, прекратив улыбаться, чтобы не смущать её.

— Да, чужак, — потупив глаза, ответила она, — великий Зикомо поручил мне лечить и оберегать тебя.

— Как назвала тебя мать?

— Мехсети.

— Достойное имя. Можно я стану называть тебя Меси?

— Зачем, белый гость?

— Там, откуда я пришёл, принято сокращать имена понравившихся людей, — слукавил Томас, — моё имя длинное — Доктор-антропологии-томас-риколли. Можешь называть меня покороче — Томас.

Девушка удивлённо округлила глаза. Постояла ещё в нерешительности и вернулась к лежанке.

— Сейчас я буду лечить тебя, — с

вдумчивостью произнесла она и отправила в рот горсть ягод.

Жевала она долго, а затем, сплюнув зеленоватую кашицу в ладонь, принялась осторожно втирать в раненную руку. При этом грудки её дразняще вздрагивали, и Томас отвернулся, мысленно повинившись в вожделении. Что было преувеличением. Доктор Риколли никогда не сближался с женщинами из исследуемых популяций. Обнажённые тела вызывали в нём чувственный отклик, но желание близости он умел подавлять. В первой же африканской поездке с ним случился курьёз. Тогда он корпел над диссертацией, обитая в племени второй год. Но пара лет без женщины — это истязание даже для великого упрямца. Однажды, когда инстинкт возобладал над благоразумием, он не сдержался. По дороге к реке Томас увидел обнажённую чернокожую богиню рубенсовских форм. Вмиг он забыл о гигиене, о запретах и табу. Протянул к девушке руку и тут же брезгливо отшатнулся, увидев стаю мух, отделившуюся от её тела. Томас, тотчас вспомнив о гигиене, нырнул в воду — мыться.

— Посланцу великого Зикомо, — девушка прервала его мысли, — показалось, что ты напал на него. Затем он обуздал ярость воина и оглушил тебя

копьем. Вождь очень разгневался и подверг его наказаниям.

— Нет, нет, он не виноват, — вскричал Томас, — я обязательно поговорю с вождём и всё объясню.

— Поздно, белый гость, великий Зикомо не меняет своих решений. Теперь меня ожидает смерть.

— Тебя? — вовсе растерялся Томас.

— Воин, напавший на тебя, мой отец. Меня забрали у него и отдали в услужение тебе. Лечить раны, не прикасаясь, невозможно, а прикосновение девушки к мужчине карается смертью.

Томас смотрел на юную дикарку, столь легко рассуждающую о своей смерти, но не находил слов утешения ни на её языке, ни на своём родном.

— И скоро... тебя... позовут для наказания? — единственное сумел спросить он.

— Как только твоя рана заживёт на треть.

— Когда же это случится?

— Если Великий Зикомо даст зелёной жизни, то через две луны.

— А если не даст?

— Даст, раз оставил тебя в племени. Без ягод зелёной жизни раны, нанесённые на нашей земле, не заживают долго — всю жизнь.

Томас был так ошеломлён, что пропустил мимо ушей последние слова Меси. И лишь погладил её по голове. Девушка напряглась от ласки, но не отстранилась. Наоборот, выгнулась, гибкая как кошка, и лизнула ласкающую ладонь. Он ещё раз пригладил её волосы.

Зикомо дал ягод. Канули две недели. Томас, испытывая жалость, смирился с надвигающимся несчастьем, умиротворённый присутствием девушки. Он привык к ней. Но попросил не облизывать его кожу. Поход к Вратам откладывался. Не доверяя ягодам Зикомо, Томас обрабатывал рану средствами из походной аптечки. Это и было странным, что рана не затягивалась. Две недели — достаточный срок для пустячного ранения. Были и другие вопросы. Как-то Томас вспомнил о внешности. Снова не обошлось без

недоразумений. Волосы не росли. Ни единого намёка на щетину. И, если это можно было обосновать ранением, то не разрядившаяся батарея перегруженного ноутбука никаким объяснениям не поддавалась. Наблюдения Томас систематизировал, и в очередной отчёт профессору включил рассказ о судьбе девушки. Да и своей роли в происшедшем не стал скрывать. Чего греха таить, именно такими связями занимаются антропологи. Чтобы понять культуру чуждого народа, нужно избавиться от эгоцентризма и проанализировать ограничения, связанные с вовлечённостью человека в круговорот отношений.

Деревня суфилов вряд ли отличалась от селений других племён. Народ жил осёдло — охотой и земледелием. Чужака суфилов чурались, прикрываясь фразами: «Да», «Нет», «Не знаю», «Спроси у Зикомо». Но поначалу антропологическое исследование не предполагает затяжных бесед, ограничиваясь наблюдением за бытом, традициями, ритуалами и обрядами. Быт присутствовал, традиции тоже, но всё без заметных проявлений: ни боевых танцев, ни колдовских заклинаний, ни звуков тамтама, сзывающего духов, — ничего. И неизменно — работа, трапезы и сон до следующего утра.

Томас, отослав профессору очередной двухнедельный отчёт, собрался отдохнуть. Девушка примостилась у его ног.

— Меси, — тихо позвал он её, привычным жестом погладив по голове.

Она, казалось, того и ждала. Встрепенулась, взглянула в глаза Томасу и будто невзначай прижалась к его коленям.

— Из-за моей глупости... Меси, ты не умрёшь.

— Слова Зикомо — закон, Тамас, — грустно ответила она, произнося на свой лад его имя.

— Нет, Меси, нет, — сказал Томас, но вдруг замолчав, сменил тему, — расскажи мне Легенду, или это запрещено?

— Не запрещено. Взгляни на эти письма, — повернулась она к грязно-красной вязи на стенах, — это она, Легенда. Знание предков принадлежит всем, и белым и чёрным. Слушай, Тамас. Вначале пришли три семени. Из первого семени произросла земля и всё бездыханное на ней. И наступило единство. И ушло первое семя за

Врата. Из второго семени произросло всё растущее и живое. И наступило единство. И ушло второе семя за Врата. Из третьего семени произросли Баако — люди, рождённые первыми. И наступило единство. И ушли Баако за Врата. Бездыханное не пожелало пребывать в единстве, и естество мира отторгло его. И открылись Врата. И вышло первое семя. И взрастило новую землю. И вновь наступило единство. И ушло первое семя за Врата. Но растущее и живое не пожелало пребывать в единстве, и естество мира отторгло его. И открылись Врата. И вышло второе семя. И взрастило новое растущее и живое. И опять наступило единство. И вернулось второе семя за Врата. Но ежели не пожелают потомки Баако — рождённых первыми жить в единстве, откроются Врата. И вновь выйдет первое семя. И вновь выйдет второе семя. И вновь выйдут Баако — рождённые первыми. И возрастут семена новой жизни. И наступит единство. И будет так.

Девушка замолчала, положив голову Томасу на колени. Он тоже молчал, погружённый в свои мысли. Диковинная характеристика мироздания. В ней нет завершенности, обозначаемой словом Бог, но в ней вселенская гармония. Может быть, она и есть Вездесущий и Нескончаемый Он, у суфилов не подлежащий обозначению? Самостоятельная

концепция, не попирающая библейскую. И не факт, что библейское знание о рождении мира, появилось позже Легенды. Всего три года назад цивилизованный мир вообще не подозревал о существовании суфилов. Не весёлая перспектива. Бескомпромиссный приговор. Если люди нарушат единство мира, выйдут из-за Врат Баако. И мира, который мы знаем, не станет. Значит, мы ещё не нарушили гармонию, не коснулись предела кавернами нашей жизни. Но сколько времени ещё естество станет терпеть нас, изживающих гармонию? Чего ожидать? И что изучать в этом странном племени? Может быть, здесь вместо антрополога должен работать кто-то другой? Кто же? Эмбриолог? Отслеживать историю рождения и формирования зёрен? Или этнолог, чтобы выявить распространение потомков Баако по земле? И что есть человек? Венец природы, или один из элементов вселенского организма, наделённый тривиальной функцией? По легенде суфилов, превратись человечество в ненужность, в сорняк жизни, естество Земли отторгнет его, нещадно прополет и взрастит новые семена.

Послание профессора, бегство

В бессонной ночи слились перемигивание

звёзд и тишина, восполнимая лишь редким пришёптыванием ручья. Глаза девушки блестели тайной.

— Меси, отведи меня к Вратам.

— Отведу, но не раньше, чем позволит Великий Зикомо.

— Что же там? Как туда войти?

— Туда нельзя войти. Оттуда можно только выйти. Белые люди вошли туда с такими шкатулками, как у тебя, — Меси взглянула на компас и навигатор, — но впустую.

— Что значит «впустую»?

— Белые люди не отыскиали путь. Возвращались — кто через час, кто через неделю, а кто до сих пор не вышел.

— Когда же Врата раскроются, чтобы выпустить их? — попробовал слукавить Томас.

— Когда люди отвратят от себя естество — тогда естество отвергнет их, и Врата раскроются.

Томас погладил девушку по голове и сел за ноутбук. Следует соблюдать пропорции. Даже, если это Легенда, а не инструкция по сосуществованию с природой.

Миновали ещё две недели. Очередной отчёт взлетел к спутнику земли, одному из множества, созданных человечеством. И пусть Баако глотают слюнки. Но какова фантастика! Батарея, та первая, подсоединённая ещё у Граничного Камня, не разрядилась. Что сие означает, а главное, какими последствиями чревато, оставалось загадкой. Не росли волосы и ногти, да и другие физиологические проявления притупились. Долгожданный ответ профессора Дайона обрадовал, однако выглядело неправдоподобным, что ворчун Алехандро столько дней продержался без наставлений. Томас открыл почту, прочёл и замер. И снова прочёл от начала до конца:

«Дорогой доктор Риколли!

Ваша шутка меня, знаете ли, вразумила. Вы тяготитесь двухнедельными отчётами? Но они предусмотрены распоряжением Учредительного Комитета. И Вам, хотите Вы или нет, придётся ему следовать. В выражении своего неудовольствия Вы преуспели. И всё же, с какой стати Вы ежечасно шлёте мне многостраничные отчёты? Это, мягко говоря,

неуместно. Если сие означает, что Вы запаслись ими заранее, придётся подвергнуть сомнению достоверность предоставленной Вами информации. Как ни прискорбно. Всё же я готов ознакомиться с Вашими объяснениями происходящему. Надеюсь найти их убедительными. В противном случае вынужден буду отозвать Вас в Оксфорд для обсуждения Вашего служебного соответствия.

Профессор Дайон.»

Томас растерялся и сгоряча не сумел объяснить агрессивности профессора. Понимание родилось, стоило только вспомнить загадки, требующие ответа: не разряжаемая батарея, отсутствие щетины на лице и, наконец, проведённые в племени две недели, обернувшиеся единственным часом в Лондоне. Кругозор доктора Риколли охватывал любое знание, и это облегчило поиск в энциклопедических залежах ноутбука. Совместив добытые сведения, он выстроил прочную версию, изящную, но не легковесную. Ей и предстояло лечь в оправдательную основу. Если, конечно, оставить в покое устаревшие догмы, пустые теории и фантастику дилетантов. Время невозможно остановить, или повернуть вспять. Но замедлить, или ускорить — вполне, ведь оно зависит от уровня гравитации. Врата и окрестности — аномалия, содержащая в себе интенсивный

источник неизвестного молекулярного притяжения. Именно молекулярного, действующего своим полем лишь на микрообъекты, но инертного к макрообъектам. В поле с высоким уровнем молекулярной гравитации человек, как макрообъект, не испытывает увеличения собственного веса. Но в таком поле снижается скорость взаимодействия между микрочастицами в их химических и биологических превращениях. Замедляются естественные процессы. Гипотеза не только объясняет загадки, но и прогнозирует акценты поиска — усилия исследователей должны быть нацелены на изучение природы молекулярной гравитации. Она может быть как естественной для планеты, так и приобретённой в космических взаимодействиях.

— Меси.

Девушка вопросительно посмотрела на Томаса. Он же задумался. Как объяснить очаровательной дикарке, не умеющей ни писать, ни читать, что его интересует. Как говорить о нестабильности времени человеку, не имеющему представления об элементарных законах физики.

— Представь себе, Меси, две деревни. Первую назовём «Настоящий Мир», вторую «Мир Сна».

Когда в «Настоящем Мире» заканчивается целая луна, в «Мире Сна» проходит лишь час. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Ответить Меси не успела. Снаружи что-то произошло. Вскипело. Донеслись шум, вопли, топот сотен ног.

— Меси, выгляни, что там, — попросил Томас и осёкся, увидев её, забившуюся в угол. С ужасом на лице и дрожью в теле. Томас выскочил из хижины. Скакнул через ручей. Огляделся. За деревней ночь разрывали вспышки. Он побежал на свет, и бежал без устали, пока не увидел толпу. Мрачно полыхали факелы. Суфилы стояли на коленях вокруг Зикомо — он в белом балахоне, вознеся руки к небу, выкрикивал незнакомые Томасу слова. И после каждого суфилы испускали протяжный стон. Когда Зикомо опустил руки, люди вскричали в плаче. Вот оно, недостающее из последствий — зловещий ритуал прощания. Риколли стало не до антропологии и он помчался к хижине. Девушка оставалась в той же позе. Томас рванулся к ней, схватил за плечи, потряс. Дождавшись осознанного взгляда, торопливо рассказал. Меси зашла в рыданиях, потом вскочила, схватила Томаса за руку и умоляюще затеребила:

— Тамас! Бежать! Объясню потом! Скорее!

Томас не стал задавать вопросы. Забросил «Пингвин» за плечи и подхватил «Бинелли». Меси внезапно остановилась, подошла к Риколли, близко заглянула в глаза. Ничего не сказала, развернулась и, слегка пригнувшись, побежала к Вратам. Томас пустился за ней. Казалось, погони не будет, но возбуждённые крики преследователей слышались рядом. Томас всегда поддерживал форму, всё же одно дело бежать трусцой по дорожкам лондонских парков, другое — продираться сквозь джунгли, спасаясь от преследования дикарей. Нет, так не уйти. Риколли остановился, перевёл дыхание и стал заряжать дробовик. Меси всхлипнула и упала на колени, закрыв глаза руками. Первый суфил с криком выскочил из-за дерева и остановился. Увидеть беглеца, спокойно стоявшего напротив, он не ожидал. «Бинелли» плюнул картечью. Суфил рухнул, не поняв, что произошло. Затем появились сразу трое. При виде поверженного соплеменника и Томаса с дробовиком, они замерли. Человек с ружьём не стал ждать, пока решимость вернётся к ним. «Бинелли» отобрал ещё три жизни, и Томас поторопил:

— Вставай, Меси! Вставай, пока они не очнулись!

Меси поднялась, стараясь не смотреть в сторону погибших и, сделав несколько неуверенных шагов, будто вспоминая спасительное направление, наконец, побежала. Сзади слышались крики ярости и горя, но погоня отстала. Вскоре беглецы вбежали в ущелье. Меси остановилась у тяжёлой, почти висящей скалы.

— Нам туда, — выкрикнула она с отчаяньем, — я знаю, как взобраться, но ты...

Томас сбросил «Пингвин», порылся и выудил моток статической верёвки. Развернул, соорудил тормозной блок, закрепил петлю на поясе девушки. Она кивнула и полезла вверх, цепляясь руками и ногами за выступы. Вскоре они оказались на вершине. Перед ними открылось небывалое зрелище. Проход в бледновато-сиреневой поволоке, стиснутый двумя сферическими монолитами. Путь во Вратах.

Меси взяла Томаса за руки и с чувством, заглядывая в глаза, проговорила:

— Тамас, ты был добр ко мне. Зикомо

обвинил тебя в несчастьи и приказал воинам расправиться с тобой. Ты должен знать, я расскажу тебе о том, что хранит племя. Мы знаем не только, что придут Баако и взрастят семена единства, но и то, когда это произойдёт. Нам ведомы знаки. Первый открылся сегодня. К суфилам явился Амади — мёртворождённый. Сегодня впервые с того времени, как вожди хранят знания, родился мёртвый младенец. С наступлением ночи Зикомо получил подтверждение — три белые звезды появились в небе, сошлись в одну и исчезли. Это великий день. Скоро придут Баако. Суфилы выполнили своё предназначение. Перворождённые знают, что единство нарушено. Когда появляются знаки, защита Врат слабеет. Войдём же туда, Тамас — это наша надежда на спасение. Не ожидая ответа, Меси стала на колени, закрыла глаза, воздела руки и выговорила:

— Тичаона! Лузала! Зубери! Темба! Бакари! Аброфо-воин! Изонгома! Камо-тихий воин!

Ничего не произошло, но девушка ничего и не ждала. Она вошла в туман и скрылась. Томас шагнул вслед, боясь потерять её из виду. В плотной белёсости зрение казалось излишним. Он позвал Меси, но туман поглотил звуки. Она нашла его руку, сжала и повела в неизвестность. Томас,

взглянув на часы, различил фосфоресцирующую подвижность секундной стрелки. Время не остановилось, не повернуло вспять. Ничего, кроме времени, не существовало. Оставалось полагаться на собственное восприятие. Он прислушался к себе: на физическом уровне отсутствовали видимость и звуки, ментальным завладела растерянность, порождение дня. Они шли — час, или, может быть, десять. Лишь по усталости в ногах Томас мог судить о времени, расстоянии, сменяемости событий и обстоятельств.

Перворождённые

Яркий свет ослепил. Оба вскрикнули, прижав ладони к глазам. Когда глаза немного привыкли, им открылась величественная картина. Меси смотрела с упоением прозревшей. Томас же никак не мог избавиться от чувства, что где-то видел это. И вспомнил. Он будто вновь очутился перед полотном Хикса ¹, прославляющим мир между хищниками и жертвами, между животными и людьми. Пастельные тона, свежесть запахов и

---

¹ Полотно «Мирное царство» знаменитого американского художника Эдварда Хикса.

очертания, вылизанные в плавность. И всплыли в памяти слова библейского пророка Исаи: «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе... И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому».

— Боже... Созидающий, — сумел вымолвить Томас Риколли, приблизившись ещё на шаг.

Меси всхлипнула и тут же рассмеялась, непринуждённо прижавшись к своему спутнику.

— Тамас, здесь живут Баако. Мы вошли, значит, произрастание предвечного семени неизбежно. Природа отторгает людей, — рассказывала она и, вдруг благоговейно склонившись, опустила на колени, — Тамас, это они, Баако.

К беглецам приближалась группа людей. Светлые лица, примечательные разве что неопределённостью черт. Похожие и одновременно не похожие между собой. Как заготовки, сработанные по единому словесному портрету разными мастерами. Популяция белых туземцев посреди африканского континента. При подробном

рассмотрении окрас их кожи воспринимался от девственно-снежного до аμιантового — наиболее приветливых оттенков небес. Между тем десятки Баако приближались к гостям. Обходили вокруг, спокойно разглядывая чернокожую женщину и белого мужчину. Вероятно, им эта пара представлялась обыкновенной — осмотр длился недолго. И Баако ушли по своим делам. Пришельцам ничего не оставалось, как последовать за ними.

Вскоре они приблизились к поселению. Клонились роскошные деревья, напоминающие ивы — ветви с длинными узкими листьями свисали наземь, прихотливо сворачиваясь в купола. Баако скрывались под ними и появлялись вновь, и Томас решил, что это и есть жилища. Когда стемнело, одна из Баако коснулась плеча Меси и показала на пустующую хижину-купол. Здесь Меси и Томас провели ночь в деревне перворождённых.

Настало утро. Томас, оставив Меси в хижине, отправился осмотреть окрестности. Баако казались доброжелательными, хотя по-прежнему обращали на гостей внимания не больше, чем на разгуливающих животных. Действительность больше походила на сон. Куда их занесло? В какой анклав человечества? Ивы с куполами-хижинами,

прямоугольники возделанных полей, идиллия с хищниками. Это рай? Вотчина долгожданного Мессии? Как исследователь, Томас пытался отрешиться от необыкновенности и смотреть на мир беспристрастно. На взгляд антрополога всё выглядело пристойно, но чувствовалось отсутствие культуры, поддерживающей достоинство. Зато достоинства, если не сказать надменности, хватало с избытком. Ведь если Бог и Закон осторонь, там место дьяволу и беззаконию. Аналитический мозг доктора Риколли непрерывно оценивал ситуацию. Люди они из Легенды, или нет — неизвестно, но эволюция их застыла в отправной точке. Судьба любого сообщества, как перевёртыш — если оно не прогрессирует, то умирает. Здесь и крылся парадокс, не поддающийся анализу: Томас не встретил в племени Баако ни стариков, ни детей. Где они? Баако отмалчивались — как с гостями, так и между собой. Флора, как и фауна, существовала сама по себе и ясности не вносила. Заросли можжевельника, вересковые пустоши чередовались с дубовыми рощами, участки субтропического леса разбавлялись высокогорными елями и пихтами. Коллапс времени, замедление, обозначившиеся в деревне суфилов, здесь ощущались острее.

Утолив голод собранными в лесу орехами, Томас и Меси решились на дальнюю разведку.

Тишина накладывала свой отпечаток — они молча направились к чередке эвкалиптов, густой, не позволяющей протиснуться между стволами. Томас хотел было повернуть обратно, но заметил пятна на общем фоне зеленой изгороди. Арки светлого оттенка расходились в стороны от циклопического знака в виде греческой буквы «π». Известная математическая константа? Здесь? И Томасу подумалось: как ни богата гранями жизнь, ей никогда не достичь предела — круга, очерченного бесконечностью. Томас протянул к пятну руку, она не встретила сопротивления. Он прошёл сквозь арку, увлекая за собой Меси. У обоих перехватило дыхание. Внутри замкнутой стены эвкалиптов простиралось поле, усеянное бутонами гигантских цветков. Невидимая преграда не позволяла туда ступить, мягко выталкивая обратно.

Симфония вечности

Прошло несколько дней. Томас, забыв обо всём, упоённо изучал местность за Вратами. Укрепившийся между ним и Меси барьер не решались нарушать оба. Но последняя ночь окрасила их отношения в эротический оттенок — Риколли приснился сон, обернувшийся явью. Меси, тяжело дыша, покрывала поцелуями его тело. Он

пытался оторвать её от себя, но девушку словно покинул рассудок. Затуманенные глаза блестели. Влажные губы исступлённо тянулись к нему, а тело зазывно извивалось. Томас вскочил, повернул её спиной к себе и вытолкнул из пристанища. Глубоко вздохнул, задержал воздух, сколько получилось, и, выдохнув, последовал за ней. И они, замороженные таинством ночи, вглядывались в зарождающуюся новь. Небо освещали мириады фосфоресцирующих существ. В их мерцании виднелись фигуры Баако, двумя шеренгами движущиеся к цветочному полю. Тысячи и тысячи Баако шли к эвкалиптовой изгороди и исчезали в арках. Томас и Меси, взглянув друг на друга и поддавшись неожиданному порыву, смешались с перворождёнными. И вместе с ними беспрепятственно вошли на поле с бутонами. Здесь разворачивалось невиданное действие, фантазмагория любви. Бутоны раскрылись, отбросив в стороны атласно сверкающие лепестки. Внутри, на бархатистом цветочном ложе, освещённые радужными переливами и припорошенные благовонной пылью, слились в экстазе пары Баако. Всем телом чувствовал Томас горячее и масляное дыхание Меси. Она, оставив его, бросилась вперёд, к пустующему бутону, заняла его, в мольбе и призыве раскинув руки. Воздух завибрировал, вначале едва заметно, а затем

всецело, заставив Томаса содрогнуться. Он видел, как исходили Баако в любовной муке. И затем в апогее, где-то вблизи, родился и взмыл в ночь непереносимый звук раздираемой стали. Томас обернулся. Поверхность знака «л» покрылась паутиной трещин. Вначале еле различимых, а затем изуродовавших её. Терзающий диссонанс превратился в оглушительный треск, трансцендентный знак распался и пылью ссыпался вниз. Лепестки цветов с лязганьем взметнулись вверх, вновь собрались в бутоны, скрыв за изгибающимися плоскостями людей Баако и Меси. Наступила щемящая тишина. Томас стоял у границы поля с бутонами, не смея пошевелиться. Сколько времени прошло, если оно сочилось хотя бы по капле? Минута? Час? Томас не знал. В какой-то момент он вспомнил о Меси и заметался среди бутонов. Лепестки плотно сомкнулись, не позволяя заглянуть вовнутрь. И тогда обессиленный, он запрокинул голову и зашёлся в крике: «Ме-е-е-е-си!». Когда же последний, отражённый бутонами звук, рассеялся и затих, пространство ответило многотысячным эхом, соединившимся в рёв боли и обновления. Томас не удержался на ногах. Его сбilo с ног звуковой волной и понесло, словно соломинку, пока не ударило о какой-то бутон. Ни лепесток не шелохнулся. Томас взвыл, как если бы испытывал

боль от заживо сдираемой кожи.

— Тамас, — услышал он вдруг Меси, — где ты, Тамас?

— Я здесь! Здесь! Меси! Моя Меси!

Он ринулся на её голос. Гигантские цветы мешали. Голоса отражались от них, не позволяя ориентироваться. Секунды слились в бесконечность. Но тут же, за соседним бутонем он столкнулся с ней. Смял, оторвал от земли, зарылся лицом в упругие груди и разрыдался, не находя сил скрывать чувства. Она обхватила его голову, прижала к себе, не позволяя ни дышать, ни думать, ни понимать. Они соскользнули на мягкую, ожидавшую их тела, землю, в напутственное ложе трав.

— Тамас... цветок отторг меня.... выбросил...

— Меси... цветок... но не я...

Последние слова, прозвучавшие в эти часы.

Рассвело. Они, молча, взявшись за руки, шли среди поля любви, между потрескивающих бутонев, скрывающих Баако. Говорить не хотелось.

Да и о чём? О том, как спаслись от Зикомо? О преодолённых Вратах? О земле перворождённых? О том, что произошло между ними? Потрескивание бутонов усилилось. Томас потянул девушку за руку, за собой прочь. Вокруг захлопало, и бутоны, один за другим, стали раскрываться, отбрасывая лепестки наземь, вскрывая таинство. Внутри, подле каждой пары Баако в цветочной пыли копошились младенцы. Новорождённые — по двое, трое, и больше. И первые звуки познания мира заполнили округу.

— О, Боже! — только и смог вымолвить Томас.

— О, Семя! — воззвала Меси, вложив в эти слова тот же смысл.

Перед учёным, привыкшим анализировать мир сквозь наслоения теорий, и дикаркой, собственной сутью осознающей мироздание, в рост вставало новое устройство, проецирующее свою культуру на будущность перерождаемого человечества.

И Томас, доктор антропологии Томас Риколли, со страхом взирал на младенцев Нового Мира. Пониже ушей их шеи пересекали

пульсирующие жаберные щели. Пальцы рук и ног соединяли полупрозрачные перепонки. Томас попятился, и, сгорбившись, побрёл к эвкалиптовой изгороди. Затем наружу сквозь арку. Лишь тогда вновь увидел Меси, следовавшую за ним. На её лице не отражалось ни грусти, освящённой предназначением, ни безмятежности. Свершилось то, что должно было свершиться.

Томас отшвырнул «Пингвин» в сторону, привлёк девушку к себе и прижался губами к её лбу.

— Пошли.

«Бинелли» он тоже отбросил. Чувствовал, что не понадобится. Спустя мгновение испарился туман. Спуск с горы показался простым. Лишь внизу, у подножия Врат Томас узнал ему цену. Мир изменился. Неузнаваемо. Безжалостно и безнадёжно. Джунгли утратили девственность, но обрели другую. Деревья стали ниже, исказив в замысловатых изгибах плотные и стройные стволы. Ветви замысловато вились. Листья... они не изменили форм, они изменили сущность. Свисая причудливыми ожерельями, напоминающими переплетения водорослей. Томас запустил навигатор. Удивляться было поздно. Спутники не

откликнулись на запрос прибора. Последний аккорд завершающейся истории. Финита. Час истины, господа. И Томас машинально взглянул на часы. Двигалась секундная стрелка, отсчитывая время. Раньше секунда равнялась секунде. Затем время споткнулось в деревне суфилов. Недели, проведённые у них, сжались до нескольких часов в Лондоне. Потом преодоление Врат. Перворождённые в мире капсул. Там время сочилось, но не осталось на отметке, предусматривающей хронометрами момент разрушения. Бутоны — синхронизаторы времени, поправ аксиому, превратили девять месяцев утробной жизни в несколько часов. Человеческие младенцы с жабрами. С какой скоростью течёт время? В каком направлении? О, Господи, что ожидает наш мир?

Томас узнавал местность, где спасался от гнева суфилов. Узнавал в целом, но не в частностях. Искажённые деревья и кустарники — водоросли на суше, придавали пейзажу скорбь и ущербность. Томас и Меси шли дальше и вскоре вышли к деревне суфилов. Вернее, к месту, где она находилась. Хижин не существовало. Ветер поднимал в воздух труху — всё, что осталось от жилищ. Что здесь случилось? Что пережил мир, пока они жили у Баако? Апокалипсис? Сколько

времени понадобилось, чтобы дома превратились в сор, а деревья уподобились водорослям? Должно было пройти много, очень много лет. Даже страшно подумать — сколько. Томас отвлёкся от своих мыслей, вспомнив о Меси. Она, не отрываясь, смотрела в одну точку. Он посмотрел туда же. Квёлый ручеёк, шириною в шаг ребёнка, свился в плотный жгут, в бешеное течение полноводной реки. И Риколли не успел. Вначале не понял, и уж потом не успел. Меси рванулась с места, стремглав пересекла пространство, отделяющее её от воды, и исчезла, мгновенно слизанная бурным напором. Секундная стрелка прыгала, оставляя позади тупую боль и безысходность.

Вода прибывала. Томас постоял ещё немного, с ненавистью глядя на беснующуюся воду, и повернул обратно. К Вратам, избавившимся от своих Хранителей. Некогда крутая скала оказалась стёсанной. Томас взошёл и сел на краю, спиной к Вратам. Вода продолжала прибывать. И Риколли равнодушно смотрел, как новые ручьи, вначале блеснув вдалеке, слились, почти ослепили, заполняя пространство. Затем вода поглотила джунгли. Лизнула склон. Позади послышался шум. Глухой, нарастающий шелест тысяч и тысяч подошв. Томас обернулся. Из Врат двумя шеренгами выходили перворождённые, Баако.

Последний акт. Великий исход. Выйдя, они остановились у Врат, образовав широкий коридор. Внутри шли Новорождённые, их дети, но будто другие — вдруг повзрослевшие. Наверное, выглядевшие лет на шестнадцать по меркам старого мира. Они шли, не останавливаясь, не ведая сомнений. К краю скалы, ставшему берегом и дальше — в воду. До тех пор, пока последний из них не скрылся в пучине. Шеренги Баако стали втягиваться во Врата. Пространство меж монолитами зачехлилось дымкой. Последний Баако остановился. Посмотрел бесстрастно в самую душу Томаса и сделал приглашающий жест. Достаточно красноречивый, чтобы понять — ему, Томасу Риколли предлагают Жизнь. Вечную Жизнь в капсуле Врат. Рай? А что останется по другую сторону? Погибающая, наверняка, давно погибшая цивилизация и с ней всё, что было дорого. Как человеку, по образу созданному и подобию. Боже! Судия праведный! Всё во власти твоей, мы были грешны. Томас улыбнулся последний раз в своей жизни и сделал шаг к прибывающей воде.

Система. Перепутье

* * *

Нелепая закономерность. Аварийная ситуация, плод пересменки. На глазах у двух экипажей, сдающего и принимающего смену, остановилась силовая установка, замер маршевый двигатель. Следом подключилась резервная энергосеть, сработала аварийная сигнализация, и бортовой навигатор отобразил движение Линкора по инерции. Неожиданный сбой, ломающий график ускорения. На волоске успех предприятия.

Командор, продвигаясь к Центральному Пульту, провёл опрос контролёров, и на экранах высветились результаты диагностики. Из отчёта следовало, что в топливном активаторе иссяк поток сверхподвижных частиц. Неисправность требовала тщательного анализа, поиска причин, корректив в Оперативном Плане и восстановления штатного режима движения.

* * *

Цафир, Вахтенный Страж Династии Тысячи Миров, челикос с планеты Туэйт, занимался делом, невысказанным при исполнении служебного реестра и вопиющим с точки зрения обывателя. На плангерде стояла клетка, разделённая перегородкой. В каждой половине копошился бурос — грушевидная голова на рыхлом туловище — мелкое травоядное, начисто лишённое враждебности. Милые домашние

животные, почитаемые в Мирах. Вахтенный приподнял перегородку. Он не кормил несчастных семь суток кряду.

Позади Стража сконцентрировалась зелень. Он повернулся к экрану. Что-то происходило. Впрочем, едва ли стало ярче. Цафир подождал ещё немного, изменений не было, и он возвратился к клетке. Один из бурос, придерживая лапкой тельце собрата, с плотоядным урчанием отрывал от него куски мяса. Собрат всхлипывал. Всё верно, природа не ошибается. Выживает сильнейший. Так должно быть. Неужели с нами что-то не так? Абсолютное добро не есть альтернатива абсолютному злу? А если есть, то на короткое время — в тысячу лет, на скудном пространстве в тысячу миров?

Страж обмакнул пальцы в лужицу крови, ощутил её липкость и зачем-то понюхал.

* * *

Челикосы рвали Галактику зубами. Захлёбывались кровью, распаяя в себе низменные инстинкты. Обитаемые миры никли к их ногам, поверженные ужасом и жестокостью. Пространство съежилось в безысходности, сковавшей завоёванные цивилизации, оставалось или погибнуть, или ассимилировать. И вот наступило успокоение. Воевать стало не с кем. Так родилась

Династия Тысячи Миров. С ней же сквозь историю пророс Великий Эксперимент. Чей-то, потерялось чей, замысел. Великий поход к торжеству разума, нацеленный на искоренение агрессивности. Сотни учёных денно и ночью бились над разрешением задачи. Технократия сменялась на теократию, монархия на анархию, демократия на тиранию. Совершенствовались и деградировали политические устройства. Насаждались и упразднялись формы правления. Ничто не помогало. Челикос оставался челикосом. Восстания, перевороты, революции, бессмысленная жестокость, страдания и смерть.

Решение, наконец, созрело. Генная терапия достигла победных результатов. Замена агрессивности на нужный признак стала обыденной. Но от этого пути отказались. Тотальное применение антиагрессанта означало гибель цивилизации. Вывернутый наизнанку челикос — это всё, что угодно, только не челикос. Учёные знали цену истокам. Агрессия — неизбежная приправа к похлёбке жизни. Соревновательность, улучшение, как смысл прогресса, невозможны без агрессивности. Даже любовь без неё подделка. На иерархии — по сути, насилии вышестоящего над нижестоящим — зиждется любое правление, от государственного до личного. Учитель довлеет над учеником. Обладатель прав над бесправным.

Старый над молодым, и наоборот в зависимости от обстоятельств. Порядок тем и живуч, что вскармливает в себе распорядок, пусть с принуждением или нажимом. И наоборот, беспорядок хаотичен и уязвим. Анархия угрюма и бесшабашна.

Ответ определился, когда аналитики Туэйта, осознав истину, сформулировали свойства желаемых изменений. Низвержение порядка не означало свободу. Преступно уничтожить нечто, не обеспокоившись заменой. И в Династии Тысячи Миров сформировалась вездесущая Система управления. Мать-Система или Система-Мать, как привыкли называть её челикосы. Отвечающая, словно сообщество заботливых матерей — каждая за своё направление. Генная хирургия исправляла пороки. Методики взаимообучения вырабатывали оптимальные формы. Антиагрессант дозировался в пищевые компоненты. Процесс потребления пищи от насилия над флорой и фауной до финального пережёвывания трансформировался в синтез питательных веществ. При этом поглощение вызывало в нейросплетениях мозга фейерверк наслаждения. Подобное происходило в остальных областях жизнедеятельности.

Не все народы Тысячи Миров покорно приняли Мать-Систему. Но челикосы, покоряя их одно за другим, афишировали собою превосходство

над инакообразием. Привычные « пороки » получали замену. Удалось упразднить даже неприкасаемую прежде иерархичность — Система-Мать приняла на себя её функции, исполняя роль громоотвода. Она управляла всем и всеми, одновременно подчиняясь каждому. Генетические улучшения стали первым шагом к совершенству. Менялись мышление, строение общества, отношения. И даже физиология — стиралось разделение на полы. Исчезали гендерные различия, уступая место трансгендерным, уравнивающим возможности соперников.

Уникальность Системы заключалась в непринятии ею уничтожения — от физических признаков до эмоций, им подыскивался более качественный эквивалент. Мать-Система воспроизводила и взаимообучала. Извлекала из информационной базы альтернативы, подстёгивая работу мозга и оберегая от перенапряжений. Мир поднялся в стазис благоденствия и покоя, но цивилизация не зачахла, продолжая гармонизировать. Каждый челикос знал свою задачу и решал её. Соревновательность, как агрессия, притупилась, преобразившись в самодостаточность. Понятие несостоятельности исчезло. Лишнее обрело новые функции. Инфантилизация чувств стала рациональной. Зависть приняла окраску уважения. Ненависть

перешла в удивление, в восторг. Трусость — во взвешенную осторожность. Антиагрессант не изжил в челюстях агрессию, но облагородил её любопытством.

Мать-Система отвергала фискальный контроль. Больше напоминала саморазвивающийся организм, облагораживающий перерождение. Инфантил разумный — прогрессивный подвид прежде безжалостного челюстика. К проявлениям Матери-Системы привыкли, она в действительности стала незаменимой, сама собою разумеющейся. Но никто не мог определить пути её зарождения, самосовершенствования и границ.

* * *

Командор вошёл в помещение Центрального Пульта. Гравелифт поднял его в кресло с командными ключами на подлокотниках. Внутренняя поверхность помещения представляла собою шар — экран, отображающий пространство вокруг Линкора. Иллюзия полной прозрачности — казалось, будто шар перемещается в бездне автономно. По замыслу психодизайнеров это вызывало у Командора настрой на безупречное выполнение задач. Замысел получил поддержку космопсихологов.

Оставалось расположиться поудобнее.

Поверхность кресла принимала форму, отвечающую настроению Командора. Настроение к этому часу оставляло желать лучшего. Неожиданный отказ силовой установки, так и не разгаданный бортинженерами, доставлял беспокойство. Может быть, не доставало опыта. Всего-то третий самостоятельный перелёт. Тем более, если учесть возраст, не отягощённый годами. Он активировал экран. Ближние и дальние миры сгрудились вокруг, куда ни взглянуть — слева и справа, впереди и за спиной, над головой и под ногами. И можно было с помощью бортового телескопа приблизить фрагменты обзора.

На подлокотнике замигал индикатор, и тотчас оптимистический женский голос сообщил:

— Нонсенс, Командор! Выделены устойчивые сигналы из поискового сектора. Попытка расшифровки положительная. Вы ответите Дешифровщику?

— Нет. Сбрось текст на монитор.

Через секунду поверх черноты и светящихся пятен выползла табличка, и Командор, укрупнив масштаб, прочитал:

«Приветствую тебя, Собрат!

Прими заверения в благонамеренности.

Управляемая тобой замкнутость в точке отсчёта (постоянные координаты) с момента видимости ориентирована к телам ярких вспышек

(переменные координаты).

Ближайшая замкнутость, управляемая Системой, ориентирована к тем же ярким вспышкам (постоянные координаты). Соединив замкнутости, ты сможешь получить поддержку и помощь.

Даю официальный реестр уплотнения.

Система. Династия».

Командор включил вектор Дешифратора.

— Молодчина, что позаботился о предварительной расшифровке. Не представляешь, как это кстати.

— Салют, командир, — обрадовался Дешифратор, — дальше сплошь абракадабра, надо подшаманить.

* * *

Когда Династия Тысячи Миров преодолела внутреннюю агрессию, назрела необходимость защиты от внешней. Династия одну за другой присоединяла обитаемые планеты. Династия насаждала? Нет, превносила Систему. Цивилизация, отрицающая насилие, нуждалась в защите от противодействия этому отрицанию. И снова тысячи учёных, уже не в индивидуальном порыве, растаскивающим замысел на обрывки, а в симбиозе, включились в работу. Результат

состоялся, но с ущемлением принципа, отрицающего насилие. Был создан Ультимативный Охранный комплекс. Так называемый Статик, включающий в себя несколько условно самостоятельных структур. Первая состояла из амбулаторных баз отражения, окруживших жизненное пространство Династии. Кварковые разрушители, установленные в квазицентрических точках, в доли секунды могли распылить любой вражеский объект, осмелившийся вторгнуться в пределы Галактики челикосов. Вторая структура, с чьей помощью Статик становился ультимативной защитой, состояла из служб дальнего обнаружения, способных отследить траекторию космического тела, начиная от отправной точки. Информация поступала в аналитический центр, управляющий гигантскими платформами — дестроерами. Автоматизированные платформы, без единого живого существа на борту, тотчас устремлялись к материнским планетам пришельцев и распыляли — не только их, но и звёзды, породившие агрессивные формы жизни. Упредительный удар. Не однозначный, не слепой, обеспеченный сдерживающей защитой. Главная секция следящей системы «спала», оберегаемая «Предохранителем». Пробуждался лишь «Привратник», открывающий консоль доступа. Управление Статиком нельзя было поручить Матери-Системе. Не для того она

была создана, чтобы посылать на уничтожение миров дестроеры. Но и переложить ответственность на Инфантила разумного тоже не рассматривалось, как выход. Снова компромисс. Второй в псевдо-гармоничной Династии. И третий — формирование касты избранных Стражей Статика на основе Особого Батальона Правительственной Связи, единственной не упразднённой военизированной структуры. При первых признаках внешней экспансии оператор, член касты, входил в виртуальную систему Предохранителя. Он должен был осознать все последствия активизации Статика. Принять на себя боль уничтожения вражеских аппаратов с командами на борту. Физически пережить вибрацию мощных платформенных двигателей, прочувствовать гибель Галактик с триллионами населяющих их существ. Мало было понять к чему приведёт активизация Статика. Датчики фиксировали эмоциональную культуру подсознания. И если челикос, осознав последствия своего решения, находился в разладе с самим собой, логическое умозаключение во внимание не принималось. Способен ли генетически неагрессивный индивидуум отдать такую команду? Однозначно — нет. Возможно ли набрать в состав Особого Батальона неизменённых челикосов? Увы! При любой, даже ничтожной вероятности внешней агрессии, они чётко выполняют своё предназначение,

активизируя Статик — но активация окажется неадекватной. Тем более, что в повседневности любой неизменённый челикос подобен волку в овечьем стаде. И снова полурешение, снова компромисс: натаскивание Стражей Статика на агрессию при чрезвычайных обстоятельствах — при вражеской угрозе извне. Обучение Стражей Статика ограничивалось историей прошлых, досистемных, войн и востребованностью Статика, как оружия решающего слова. Операторов касты готовили к принятию единственного решения. Взвешенного, но с той же вероятностью ошибочного. Фиаско! Восемьдесят поколений без войн и насильственных смертей. Восемьдесят поколений после отмены смертных казней и насильственного ограничения свободы. Восемьдесят поколений Стражей Статика, воспринимающих свой долг скорее, как нечто абстрактное, академическое, нежели практическое, прикладное. Восемьдесят поколений изменённых челикосов, нежившихся под опекой Матери-Системы. Последний оператор, нашедший в себе силы нажать кнопку отмены Предохранителя, жил девятнадцать веков назад. Портрет его хранился в архиве клана под грифом «сугубо секретно». С тех пор попытки активизировать Статик на обучающем тренажёре заканчивались неудачей, иногда даже с

необратимыми последствиями, несовместимыми с внутренним миром челикоса. Это не было секретом в Династии, однако Мать-Система надёжно изолировала негативные сведения от общей базы эквивалентных признаков.

Сколько бы гигантской не казалась улитка, она в любом случае песчинка, движущаяся в бесконечности и ограниченная своим защитным коконом. Цивилизация Тысячи Миров растворила в себе эту тысячу. Поглотила, указав Путь. Великий путь мира без агрессии. Разве дурно? Но стоит ли забывать, чем завершались великие империи периода раздробленности? Они падали ниц перед более активными соседями, достигшими буйного расцвета. Опаснейший путь — безусловное исполнение догм, пусть даже прогрессивных.

Вражеский флот, огромный и неисчислимый, появился у границ Династии. Статик очнулся от многовековой спячки, уплотнил заградительное пространство и покорно дожидался решения по активизации второй, условно самостоятельной структуры.

* * *

Внимание Вахтенного Стража Цафира снова отвлекла зелёная волна. Страж развернулся к экрану и принял сообщение Системы: